СОВРЕМЕННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ РУССКО-УКРАИНСКОЙ ВОЙНЫ

Константин Сонин,
Чикагский университет

Русский империализм, имеющий глубокие исторические корни, является одним из основных объяснений военной агрессии России против Украины в феврале 2022 года. Имперская риторика российский официальных лиц и пропагандистов, активное внедрение имперских практик на оккупированных территориях, формальное включение захваченных территорий Украины в состав России только добавили доказательств тезису об уникальной важности русского имперского сознания для объяснения причин Русско-украинской войны.[1] Однако при более пристальном изучении вопроса это простое объяснение оказывается неудовлетворительным. Русский империализм сам по себе, в изоляции от других факторов, не может быть фундаментальным объяснением войны. Имперские настроения сохранялись во многих странах, потерявших в XX веке свои колонии, на протяжении десятилетий. Тем не менее, в большинстве случаев это не приводило к неоколоникальным войнам: после окончания Второй мировой войны ряд держав, терявших свои заморские колонии, не попытались восстановить статус кво силой. Чтобы «имперская идеология» стала причиной для захватнической войны в XXI веке, необходимо, чтобы механизм принятия решений в системе власти принципиально отличался от механизмов в тех странах, в которых имперские устремления имели глубокие исторические традиции и которые смогли отказаться от продолжения имперских войн.

В то же время нападение России на Украину плохо объясняется теориями, в которых путинский режим рассматривается как современная (и даже продвинутая) форма авторитарного правления.[2] В феврале 2022 года вторжение российских войск в Украину

[1] См., например, Khodarkosvky (2022), Kordan (2022), Mankoff (2022), Plokhy (2023), Zaporozhchenko (2023). Джон Мейершаймер, называя основной причиной Русско-украинской войны действия США по расширению НАТО, большую часть своей статьи посвящает перечислению имперских притязаний России на контроль над Украиной (Meirsheimer, 2022). McFaul, Person (2024) считают основными причинами Русско-украинской войны структуру путинской власти и дисбаланс сил между Россией и Украиной; они упоминают, но отметают имперскую идеологию в качестве важной причины войны. Однако значительную часть статьи они посвящают анализу представления Путина и его окружения об Украине как об искусственном образовании, не имеющем собственного государственности – вариант стандартного имперского взгляда на мир.

[2] См. обзор дискуссии об идеологической основе путинизма в Snegovaya, McGlynn (2024). Guriev, Triesman (2022) предлагают внеидеологическую, технологическую модель современного авторитаризма. Путинский режим является в этой теории ключевым примером (см. также Taylor, 2018).

могло рассматриваться как нечто незначительное, не выходящее за рамки локальных военных операций; заявления российских официальных лиц даже использовали специальную лексику, призванную занизить масштаб происходящего («специальная военная операция»). Через два года, в 2024 году, Русско-украинская война привела, по самым консервативным оценкам, к гибели на фронте и в тылу сотен тысяч человек, мирных жителей в Украине, российских и украинских солдат, и к насильственному перемещению миллионов, в том числе миллиона россиян. По большинству параметров, включая подтверждённое количество убитых солдат, интенсивности боевых действий, задействованности самых современных вооружений, это – самая крупная война в XXI веке и за все восемьдесят лет, прошедших с окончания Второй мировой войны, включая Ирано-иракскую войну, Корейскую войну, Вьетнамскую кампанию США, войны в Персидском заливе 1991 и 2003 годов и другие межстрановые конфликты. Проблемы, которые создала для России и её граждан эта война, включая проблемы на фронте, санкции и разрыв международных хозяйственных связей, были хорошо предсказуемы – более того, были предсказаны широким кругов аналитиков. Тот факт, что российская армия и другие государственные институции оказались неготовы к этим проблемам – дополнительное свидетельство неэффективности системы принятия решений в путинском режиме. При этом – это режим, исключительно успешно решающий проблему удержания власти одним человеком на протяжении четверти века. Как получилось, что режим, выстроенный институционально и персонально для сохранения власти и консервации идеологии, привел к решениям, максимально подрывающим его собственную стабильность?

Основная цель этой статьи – преодолеть это противоречие, синтезируя два радикально разных подхода к анализу причин Русско-украинской войны, «идеологический» и «структурный». При таком подходе основной причиной войны станет сочетание двух фундаментальных факторов: имперской идеологии, успешно ставшей полноценной идеологией путинской России, и примитивной, архаичной структуры власти. Без идеологии, которую разделяют элиты, поскольку она оправдывает их пребывание у власти в условиях минимальной подотчётности гражданам, не было бы желания начать войну против Украины у Путина и узкого круга близких к нему лиц. Без персоналистской, неэффективной, основанной на кумовстве и коррупции системы власти решение начать войну, соответствующее имперской идеологии, но противоречащее рациональной логике, системному учёту имеющихся обстоятельств и устойчивым прогнозам, принято бы не было.[3]

[3] Есть целый ряд журналистских описаний принятия решения о начале войны Путиным: см., например, "Putin's Colossal Intelligence Failure", *The Russia File*, Kennan Center, 12/3/2022; "Hubris and isolation led Vladimir Putin to misjudge Ukraine", *Washington Post*, 12/4/2022; "Putin, Isolated and Distrustful, Leans on Handful of Hard-Line

Владимир Гельман предложил теорию «недостойного правления», объясняющую структуру российской государственной власти в XXI веке (Гельман, 2019). Согласно этой теории, государственные институты и политические практики устроены таким образом, чтобы максимизировать ренту, извлекаемую оказавшимися у власти индивидами; практические решения, принимаемые на всех уровнях власти подчинены прежде всего этой цели. Интересы страны и её граждан учитываются только в той степени, в которой это не противоречит обогащению людей, находящихся у власти, и их семей. Теория «недостойного правления» является частью широкого консенсуса, складывающегося в научной литературе, посвященной проблемам долгосрочного развития стран.[4] Как в теории «инклюзивных vs. экстрактивных институтов» Асемоглу и Робинсона, так и в теории «обществ с открытым доступом vs. обществ с закрытым доступом» Норта-Уоллиса-Вайнгаста, страны могут оказываться в плохом долгосрочном равновесии, в котором элиты ограничивают конкуренцию в экономической сфере, потому что монопольные ренты легче извлекать, и они же ограничивают конкуренцию в политической сфере, чтобы круг тех, кто делит между собой «пирог ренты», был как можно меньше.[5] Примеры экстрактивных экономических институтов в современном мире включают легализацию монополий (и отсутствие антимонопольной политики), избыточное государственное регулирование, ограничивающее доступ новых фирм и технологий на рынок, протекционизм, защищающий владельцев внутренних производств от внешней конкуренции; примеры экстрактивных политических институтов – ограничения, юридические или фактические, прав на участие в политической деятельности, законы и практики, снижающие подотчетность и сменяемость власти, коррупция и т.п.

Как общие теории Асемоглу-Робинсона и Норта-Уоллиса-Вайнгаста, так и прикладная «российская» теория Гельмана хорошо объясняли бы инертное статус кво в России. Многолетняя стагнация в экономике, последовательный отказ от международной интеграции, примитивизация государственного устройства, распространенность и нормализация коррупции в силовых структурах, возрождение архаической идеологии и т.п. – всё это описано в многочисленных примерах экстрактивных институтов в историях других

Advisers", *Wall Street Journal*, 23/12/2022; "What Russia Got Wrong", *Foreign Affairs*, 8/2/2023; "Putin Should Have Known His Invasion Would Fail", *Foreign Policy*, 23/2/2023.

4 Анализу долгосрочного развития посвящены тысячи статей, вышедших в последние десятилетия. Книгу «Почему одни страны богатые, а другие бедные» Асемоглу и Робинсона можно использовать в качестве научно-популярного введения в эту литературу (Acemoglu, Robinson, 2012). Альтернативное изложение той же, по сути, общей теории долгосрочного развития можно найти в North, Wallis, Weingast (2009). В Yakovlev (2021) теория Норта-Уоллиса-Вайнгаста используется для анализа российского опыта.

5 Идея «множественных равновесий», объясняющая как две страны, близкие по всем фундаментальным экономическим показателям, оказываются на принципиально разных траекториях развития, восходит к Норту (North, 1977). Простейшая модель – см., Murphy, Shleifer, Vishny (1993). См. также обсуждение современного статуса этой теории в обзоре Egorov, Sonin (2024).

стран. Чего эти теории не объясняют – начала масштабной войны, нападения на крупную соседнюю страну, то есть резкого, радикального действия, которое должно было бы серьёзно изменить статус кво независимо от того, как развивались бы события на фронте. Такого рода действия фундаментально противоречат теориям, в которых ответ на вопрос «почему одни страны богатые, а другие бедные?» - это наличие плохого долгосрочного равновесия.

Обширнейшая литература в политических науках, посвященная природе современных войн, имеет, фактически, целый подраздел, посвященный войнам, которые стали результатом специфики принятия решений в авторитарных режимах.[6] Основные структуры причины того, что диктаторы начинают войны чаще, чем демократические лидеры, и ведут их менее успешно, выглядят так. Во-первых, диктаторы в меньшей степени подотчетны гражданам, чем жители демократий и, соответственно, легче принимают решения, основная тяжесть которых ложится не на членов элиты. Во-вторых, в отсутствие легальных механизмов политической конкуренции противники войны вынуждены не бороться за власть в рамках легальных механизмов, а разрушать государственные институты, что значительно сложнее. В-третьих, диктаторы чаще и легче принимают рискованные, плохо обоснованные решения, в то время как демократические лидеры имеют больше возможностей правильно использовать имеющиеся ресурсы.

Несмотря на передовой технический инструментарий, используемый сторонниками рационального подхода в анализе причин войн, масштабное вторжение российских войск в Украину в феврале 2022 года оказалось сюрпризом для многих специалистов. Упор на рациональность сыграл с ними злую шутку: ограниченную по масштабу и затратам, победоносную военную операцию можно было рационализировать. Захватническую войну, требующую использования сотен тысяч солдат и тысяч единиц техники, фильтрационных лагерей, постоянной оккупационной администрации практически невозможно оправдать как рациональный выбор. Соответственно, именно те аналитики, который правильно оценивали издержки, связанные с войной, ошиблись в прогнозе: наличие этих издержек делало выбор, очевидно, не оптимальным. Теория, предлагаемая в этой статье, объясняет, каким образом связаны имперская идеология, доминирующая в путинской элите и в российском обществе, и устройство системы государственной власти в России в эпоху Путина – и приводит к решениям, которые не получается рационализировать.

[6] Обзоры современной литературы о причинах войн см. в Fearon (1995), Powell (1999), Jackson, Morelli (2011), Blattman (2022). Модели и анализ данных в теории «диктаторских войн-демократического мира» см., например, в Bueno de Mesquita et al (1999), Debs, Goemans (2010); Bueno de Mesquita, Smith (2012); Weeks (2012).

Современное понятие имперскости

В современной теоретической литературе политические режимы складываются в результате действий рациональных субъектов. В базовых моделях такого рода нет места идеологии само по себе. Это не значит, что империализм как идеология не играл важной роли в консолидации власти Путина. Изначально, термин «империализм» использовался применительно к тому периоду, когда ведущие мировые державы явно конкурировали за колонии. XX век заставил расширить классическое определение. Такие разные авторы как Джозеф Шумпетер (Schumpeter, 1972[1921]) и Ханна Арендт (Arendt, 1968[1951]) сделали центральной частью своих определений империализма постоянное желание стран расширять зону своего влияния безотносительно конкретных задача для этого расширения. «Империализм», по Шумпетеру, оппортунистичен в том смысле, что вопрос о каждом конкретном действии решается не в зависимости от того, насколько это нужно гражданам (или какой-то части граждан) страны, а вероятностью успеха (Knorr, 1952).

Соблазн определить «имперскость» так, чтобы этот термин покрывал более широкую область, чем прямая территориальная экспансия, велик. В этом случае появляется возможность включать в границы империй образования (в том числе суверенные государства), находящиеся под, фактически, прямым контролем метрополии в результате угрозы применения силы. Например, СССР был вынужден использовать армию для восстановления контроля над правительством Венгрии в 1956-ом году и Чехословакии в 1968-ом году, но не использовал армию в Польше в начале 1980-х, хотя достигнут был тот же результат. В 1981 году польское правительство ввело военное положение и начало репрессии против оппозиции, понимая, что, если оно этого не сделает, последует военная операция, подобная венгерской в 1956-ом или чехословацкой в 1968-ом. Расширительное толкование «имперского контроля» позволило бы включить в рассмотрение множество случаев, когда та или иная страна находилась, по сути, в колониальной зависимости. Например, вишистская Франция не была частью Германского рейха и тем не менее полностью контролировалась им. В политических науках есть целая палитра классифицирующих понятий: вассальные, марионеточные и т.п. государства. Преимущество определения империи, завязанного на прямой контроль – включение территории в государственное образование, состоит в том, что дискуссия не вязнет в бесконечном обсуждении вопроса о степени контроля. Легко представить продолжительную дискуссию, например, о том, в какой степени Куба, часть «социалистического лагеря», контролировалась СССР. В соответствии с узким, территориальным определениенм Латвия, Литва и Эстония были частью «Советской империи», поскольку были, с точки зрения правительства СССР его частью, а Болгария, Венгрия или Куба – не были. Включение территорий, контролируемых российской армией в

Украине, в состав России в сентябре 2023 года *с точки зрения российских законов* – индикатор, однозначно указывающей на имперский характер войны.[7]

В нашу задачу не входит анализ дискурса – конкретных слов и риторических практик, используемых в политической дискуссии. Однако важно заметить, что представление о соседнем государстве как об искусственном образовании, результате случайного, а не естественного развития – это имперское мировоззрение, даже если слова «империя» или «колония» не произносятся напрямую. В качестве классического примера можно вспомнить слова советского премьера Молотова, назвавшего Польшу, после нападения СССР на неё в сентябре 1939 года, «уродливым детищем Версальского договора». Казалось бы, коммунистическое правительство СССР рассматривало правительство Российской империи, свергнутое в ходе Русской революции, в качестве врага. Однако в момент, когда бывшая часть империи, получившая независимость в ходе революции и гражданской войны, была снова оккупирована, её присоединение, в качестве новой части СССР, было оправдано якобы незаконностью её создания. Точно так же имперские устремления Путина и его окружения выражались, ярче всего, в формулировках «русские и украинцы – один народ» или «Украина – искусственное государство, созданное советскими властями». Неслучайно важную роль в идеологии путинизма составляют работы философа Ивана Ильина, «отца русского фашизма», в которой украинцы и русские являются частью единой нации (Snyder, 2018). Следует обратить внимание насколько эта логика отношения к Украине подходят под определение империализма по Шумпетеру: необходимость захвата Украины обосновывается аргументами, не предполагающими никаких конкретных целей или выгод для России.

Нет сомнений, что пропагандистское сопровождение войны с Украиной опиралось, в России, на давние имперские традиции.[8] Из крупных стран, в прошлом империй, России уникальна отсутствием анти-имперских настроений. В Англии, Франции, Испании, Германии и других странах-исторических лидерах колониальной системы развития имперская экспансия прекратилась после войн или потрясений, приведших к потере колоний и утрате политического доминирования сторонниками колониализма в метрополиях.[9] В США, например, традиционно было сильна изоляционистская, анти-имперская идеология –

---

[7] Конечно, включение оккупированных территорий Украины в состав России в качестве одностороннего акта не делает эти территории российскими; с точки зрения украинского и международного права, с точки зрения подавляющего большинства стран и международных организаций они являются территорией Украины. В будущем необязательно повторять эту оговорку: для определения «имперскости» достаточно, чтобы территории включались в состав страны с точки зрения этой страны.

[8] См. всесторонний анализ российской имперской истории в Миронов (2023) и политики в Каспэ (2001).

[9] См. многочисленные примеры в Гайдар (2013). Интересный, и не до конца исследованный феномен состоит в том, что большинство исторических империй были, в момент колониального расцвета, мировыми лидерами экономического, интеллектуального, технологического или военного расцвета. Россия в 2022 году не являлась таким примером.

даже в период, когда имперская экспансия была стандартным modus operandi ведущих мировых держав. После победы в войне с Испанией в 1898 году, например, вопрос о присоединении Филиппин был одним из вопросов, по которому кандидаты от двух ведущих партий на президентских выборах занимали принципиально разные позиции. В течение 20-го века США неоднократно отказывались от возможности присоединить или поставить под прямой контроль те или иные территории. Периодически изоляционистские тенденции настолько доминируют, что страна воздерживается от участия в международных операциях даже тогда это было бы естественно при «имперском» подходе. Отголоски этого явления сейчас можно видеть в публичной дискуссии и в 2024 году – американские изоляционисты, до 30-40% избирателей, не поддерживают помощь США Украине.

В России открытый и сознательный отказ от экспансии, агитация против «зарубежных войн» - практически неслыханное дело. Даже в ситуациях, когда в стране было заметное движение против участия в войне (например, против войны в Афганистане в 1985-87 или против войны в Чечне в 1995-96), основным аргументом противников войны были её издержки, а не отсутствие нужды в экспансии.[10] В 2022-24 годах государственная пропаганда легко оправдывала захватническую, по сути, войну как раз потому, что имперская экспансия под видом «защиты собственных интересов» является российской традицией на протяжении столетий. Егор Гайдар, лидер реформаторского крыла российского правительства в 1991-1993 годах, в своей монографии «Гибель империи» рассматривал экономическую и политическую катастрофу СССР как результат неоимперской политики советских властей (Гайдар, 2013). Тем не менее имперская риторика настолько хорошо воспринималась гражданами, что даже политики либерального, реформистского, прогрессивного толка пытались сделать её частью своей политической стратегии.[11]

Что такое «провал государства»?

Изначально, концепция «провалившегося государства» («failed state») появилась для описания стран, в которых органы государственной власти не способны выполнять свои самые базовые функции, включая поддержание внутренней безопасности и стабильности государственного управления. С одной стороны, России в 2022 году, конечно, не являлась «провалившимся государством», потому что большинство государственных функций исполнялось. Более того, многие государственные органы, в том числе органы безопасности,

[10] Имперская традиция была настолько укоренена, что даже в острый момент распада СССР, когда имперские настроения были на минимуме, анти-имперский манифест Александра Солженицына «Как нам обустроить в Россию», изданный более 20 миллионов экземпляров, был полностью проигнорирован в части анти-имперскости.
[11] См. Каспэ (2004).

обладали большими штатом, бюджетом и полномочиями – большими и в исторической, и в сравнительной перспективе. С другой стороны, например, органы безопасности выполняли свои функции только в каком-то новом, специальном смысле – если под безопасностью понимать сохранение у власти и комфорт небольшой группы лиц. В то же время органы безопасности не только не охраняли безопасность государства в плане поддержания экономической и военной безопасности, но, напротив, активно способствовали их снижению, активно участвуя в переделе собственности и персональном обогащении.[12]

В литературе, посвященной устройству и функционированию авторитарных режимов, органы государственной власти, занимающиеся вопросами внутренней безопасности, рассматриваются, чаще всего, как инструменты, с помощью которых диктатор или правящая элита удерживают власть.[13] В этом случае задачи «поддержание государственной безопасности» и «сохранение власти за конкретным лидером» становятся неразличимыми. Это понимание полностью совпадает с интересами лидера в таком режиме: многие авторитарные лидеры так или иначе продвигают идеологию, в которой устойчивость их личной власти приравнивается к стабильности политической системы и даже существованию страны в целом. Путинский режим в этом отношении не специфичен. «Нет Путина – нет России» в устах путинского функционера – это просто вариация лозунга германских нацистов «Один народ, одно государство, один вождь».[14] В демократическом государстве задача сохранения стабильности политической системы в идеале отделена от задачи удержания власти одной и той же группой физических лиц. В реальности демократические политики так же пытаются удержаться у власти, размывая границу между «стабильностью государства» и неизменностью физических лиц, занимающих те или иные посты. Тем не менее, принципиальным отличие демократических государств является то, что существует система смены физических лиц у власти, не подвергающая угрозы стабильность самого государства.[15] В противоположном случае – когда органы государственной власти работают на сохранение власти у конкретных физических лиц – можно говорить о том, что эти органы не исполняют свою функцию. Напротив, их деятельность разрушительна для

[12] Soldatov, Borogan (2010).
[13] См., например, Bueno de Mesquita, Smith, Siverson, Morrow (2003), Svolik (2012).
[14] Laruelle (2021) подробно обсуждает сходства и различия путинского и прототипического фашистского режима.
[15] Следует отметить, что существование институционализированной системы смены физических лиц у власти не является исключительной характеристикой демократий. Например, в Мексике в 1930-1990е или Китае в 1970-2010е существовали недемократические политические институты, обеспечивающие регулярную сменяемость власти.

государственной стабильности, если под стабильностью понимать непрерывное и безопасное существование страны. [16]

В современном мире несменяемость власти сопровождается, как правило, стагнацией экономического и социального развития. Bueno de Mesquita, Smith, Siverson, Morrow (2003) приводят многочисленные примеры авторитарных режимов второй половины XX века, в которых сохранение лидера у власти на 20 или более лет практически всегда, за исключением редких случаев, сопровождалось, в итоге, низкими средними темпами экономического роста.[17] Практически все «провалы развития» XX века - северокорейский, кубинский, зимбабвийский и другие – происходили в странах, где один лидер или одна семья удерживали власть на протяжении десятилетий. Российский пример XXI века оказался даже более экстремальным. Помимо экономической стагнации, доминирование органов государственной безопасности привело к войне, в которой уже в первые два года погибло как минимум 100 тысяч российских граждан, а почти миллион россиян стал беженцами. Казалось бы, парадоксально – доминирование органов госбезопасности привело к диаметрально противоположному результату. С другой стороны, при таком подходе, предполагая задачей органов безопасности обеспечение безопасности граждан, результат деятельности советской госбезопасности в 1930-50-е годы был столь же плохим. Результатом террора, задачей которого было удержание у власти Сталина и его окружения, стала массовая гибель граждан страны – сначала в результате репрессий, потом – по ходу войны, подготовка к которой была полностью провалена.

Методологически, возникает соблазн различать спецслужбы (и другие государственные органы) по целеполаганию. Скажем, в стране А органы госбезопасности ставят своей задачей сохранение политической системы, обеспечивая сменяемость лидера, а стране Б органы госбезопасности ставят своей задачей сохранение личной власти текущего лидера. Этот подход аналитически не удобен, потому что если варьировать, в сравнительной перспективе, целеполагание, то у исследователя появляется слишком много степеней свободен. Каковы бы ни был результат деятельности какой-то спецслужбы, можно будет сказать, что именно этот результат и был целью её деятельности. Любой провал в области безопасности можно, при таком подходе, объяснить каким-то специальным целеполаганием.

Более продуктивно предполагать одни и те же цели у одних и тех же акторов и искать объяснения различиям в ограничениях, ресурсных или даже идеологических. То есть и в стране А и в стране Б задача спецслужб – безопасность в одном и то же смысле, однако в

[16] В новой книге историк Марк Харрисон показывает, насколько вредоносным, с точки зрения экономического и социального развития, был режим секретности, который оправдывался соображениями государственной безопасности (Харрисон, 2023).
[17] См. также Рогов, Снеговая (2009).

стране А задача выполняется, а в стране Б она провалена. При таком подходе деятельность НКВД во времена Ежова и Берии оказывается провалом с точки зрения «идеальной функции»: задачей органов была безопасность граждан, а их деятельность привела к противоположному результату. Этот подход соответствует классическому подходу в медицине: есть нормальное функции органа, а есть разные болезни, то есть отклонения от нормальности. Например, при ишемической болезни сердца прекращается нормальное кровоснабжение. Можно было бы назвать такое сердце «сердцем, которое ставит своей задачей гипоксию» («задачей НКВД являлся террор против политических соперников Сталина»), но более адекватно было бы описать это как болезненное состояние, при котором орган не выполняет своей функции («задачей любого министерства внутренних дел является поддержание безопасности граждан; НКВД при Берии и Ежове не выполняло этой функции»).

В России XXI века свои функции утратили не только органы безопасности, но и другие, более важные органы государственной власти. Ярким примером, является, например, российский парламент, утративший, к концу первой четверти XXI века, и роль законодательного органа, и представительного. Как законодательный орган, парламент вернулся к своему состоянию эпохи СССР, когда функционал сводился к оформлению решений, принятых другими органами (Политбюро и аппаратом ЦК КПСС в советское время; администрацией президента и окружением Путина в наше). Как представительный орган, парламенты 2011-2024 годов, избранные со значительными нарушениями, исключающими присутствие политической оппозиции, состоит только из людей, фактически одобренными лично Путиным или его администрацией.

Эволюция государственных органов к состоянию дисфункции продолжалась много лет. Общее направление этой эволюции хорошо соответствовало цели сохранения власти Путина и его окружения. С одной стороны, есть искушение объяснять эту эволюцию – и силовых органов, и парламента, и судебной власти – целенаправленной деятельностью «бенефициаров», то есть Путина и его друзей. Это соответствует и старым моделям «клиентелистских диктатур», в которых диктатор покупает лояльность с помощью раздачи ренты, и современным моделям «экстрактивных институтов», в которых система власти строится таким образом, чтобы максимизировать ренту, которую элита извлекает за счёт доступа к ресурсам (например, за счёт возможности использовать силовые структуры и правоохранительные органы против тех, у кого доступа к этим ресурсам нет).[18]

[18] См. обзоры современной литературы об институтах авторитаризма в политических науках (Gehlbach, Svolik, Sonin, 2016) и экономической науке (Egorov, Sonin, 2024). Применительно к России, см. Гельман (2019), Frye (2022).

С другой стороны, исследователи, пытающиеся представить сложившуюся систему власти как результат чьей-то целенаправленной деятельности, попадают в ту же ловушку, что и популярные конспирологи. В качестве метафоры представим себе модель из конструктора ЛЕГО, которую разломали, превратив в огромную груду деталей, и вытряхнули из пакета на пол комнаты. Эта груда деталей, просто сваленных на полу, будет иметь определенную структуру – например, она будет иметь форму конуса. Внешний наблюдатель, глядя на конусообразную гору деталей, может приписать эту форму какому-то хитрому замыслу и придумать теорию, почему именно конус, а не цилиндр или параллелепипед. Однако вываленные на пол детали сваливаются в горку формы конуса под действием силы тяжести. Расположение деталей на полу является максимально примитивным и не является результатом ничьего действия, тем не менее это конкретная форма. Было бы ошибкой считать, что форму горки кто-то выбрал по каким-то критериям и потом добился её реализации. Точно так же неправильно считать, что любая форма государственного устройства, система институтов и т.п. является непременно результатом какого-то плана. Дуглас Норт и его соавторы правильно указали на то, что «естественным» состоянием, организацией общества по умолчанию являются монополии в экономической сфере и диктатура в политической (North, Wallis, Weingast, 2009). Демократическое конституционное устройство и институты рыночной конкуренции – это, в рамках нашей метафоры, сложные и осмысленные модели, собранные из деталей ЛЕГО. Монополия и диктатура – это куча деталей на полу, сложившаяся в горку под действием силы тяжести.

Применительно к устройству российской государственной теория Норта даёт режим, обеспечивающий политическую монополию на высшем уровне и создающий локальные экономические монополии, максимизирующие возможности по извлечению ренты. Надо понимать, что идея несменяемости власти является, сама по себе, архаической и неэффективной идеей. В современном (последние 100 лет) мире практически все эпизоды «провалов стран», экономических, внешнеполитических и т.п., связаны с затянувшимся пребыванием у власти того или иного лидера. Идея оппозиции, находящейся в остром конфликте с текущим руководством, и имеющей реальный шанс получить власть – это идея примерно 250-летней давности. В последние десятилетия она практически реализована в десятках стран. Тот факт, что российские граждане на протяжении трёх десятков лет с распада СССР проявляли минимальный интерес к защите «права на выбор» - это и

свидетельство отсталости, и важная причина деградации государственной власти при Путине.[19]

Говоря об институциональной эволюции, нельзя забывать, что на практике деградация органов власти сопровождалась (или даже предвосхищалась) постоянной «обратной селекцией» на государственные должности. Основными критериями отбора были лояльность лидеру и связи, родственные или коррупционные, через совместное участие в бизнесе, с членами текущего руководства. В результате к 2022 году высшее руководство России состояло из людей двух типов – либо некомпетентных и коррумпированных лоялистов как Шойгу, Патрушев, Сечин или Володин, либо бесхребетных и коррумпированных «технократов» как Лавров, Кириенко, Собянин или Мишустин.[20] И те, и другие не просто не представляли никакой собственной политической силы, но сознательно отказывались от какой-либо внешней дифференциации в политике. Это в точности тот результат, который предсказывается теорией лояльности vs. компетентности в авторитарных режимах[21] и соответствует общей теории «недостойного правления».

Имперализм, милитаризация и коррупция

С институциональной точки зрения, при которой рациональные субъекты меняют правила игры так, чтобы им легче всего было удерживать власть и максимизировать ренту, имперский, националистический нарратив был важен для укрепления путинского режима прежде всего потому, что оправдывал милитаризацию государственных расходов и милитаризацию государственного управления. В сфере государственных расходов милитаризация значительно облегчала получение прибыли за счёт близости к власти. Во-первых, чем более милитаризована страна, тем больший объём средств распределяется за счёт решений на самом высшем уровне. Во-вторых, военные расходы являются наименее подконтрольными для общества. В путинской России это превратилось в кормление окружения и лоялистов Путина за счёт оборонного заказа. Конечно, как это всегда бывает, помимо лоялистов, значительную долю распределяемого национального богатства получают предприимчивые бизнесмены, что, в свою очередь, создаёт устойчивое «лобби ВПК», которое в России, в итоге, стало просто «лобби войны».

---

[19] Мы не обсуждаем вопрос об исторической эволюции путинского режима (см., например, Голосов, 2024). Для нашего вопроса интересен тот режим, который сложился в России в феврале 2022 года, когда было принято решение о нападении на Украину.

[20] Неудивительно, что в отличие от модернизационных авторитарных режимов, путинские «технократы» отбирались по принципу политической лояльности и подконтрольности. Соответственно, их экспертные навыки вместо того, чтобы каким-то образом служить России и её гражданам, использовались только на исполнение желаний Путина. (См., например, How Putin's technocrats saved the economy to fight a war they opposed, *Financial Times*, 16/12/2022.)

[21] Egorov, Sonin (2011, 2023), Zakharov (2015), Shih (2022).

Другая классическая причина, почему имперский нарратив был выгоден Путину для укрепления его собственной власти, заключается в том, что страна, нуждающаяся военной экспансии с большей готовностью соглашается со снижением роли парламентов, от муниципальных до национальных, расширение полномочий органов безопасности, ограничением личных свобод и т.п. То есть империализм Путина, помимо своих исторических корней, с самого начала служил и политической прагматике. Постоянно угрожая соседям, когда-то входившим в СССР и, хотя бы риторически, другим крупным странам, Россия постоянно поддерживала в своих гражданах страх. Этот страх заставлял молчаливо соглашаться с милитаризацией общества, расширением полномочий органов безопасности и коррупцией путинского окружения.

Взять, предельно упрощенно, конкретный пример. Участие России в гражданской войне в Сирии не принесло гражданам России ничего, кроме потерь. Во-первых, прямых потерь из-за денег, израсходованных на военную интервенцию на стороне режима, сотрудничество с которым не несёт никаких выгод гражданам России. Во-вторых, ещё больших непрямых потерь, потому что вмешательство в гражданскую войну на стороне диктатора, удерживающего власть с помощью жестоких репрессий, уменьшило привлекательность России как международного партнёра для тех стран, кооперация с которыми нужнее всего для экономического развития. Однако сирийская операция была выгодна элите в узком смысле – прежде всего, владельцам предприятий ВПК и военным. Кроме того, через усиление международной изоляции, она укрепляла власть Путина в России.

На первый взгляд, экономический и политический изоляционизм противоречит имперской идеологии. Тем не менее, противопоставление изоляционизм и империализма оказывается иллюзорным. Историк Стивен Коткин в первом томе биографии Сталина – фактически, в истории Русской революции столетней давности, показывает, как Сталин и его соратники блестяще пользовались изоляционистскими нарративами для укрепления собственной власти.[22] При этом, конечно, идеология коммунистов, взявших власть в 1917 году, была максимально экспансионистской: Ленин и его соратники воспринимали себя как авангард мирового коммунистического движения и с самого начала были готовы помогать, идеологически и материально, революционно настроенным левым политикам Европы и всего мира. Даже после принятия доктрины о «построении социализма в одной отдельной взятой стране» в 1925 году, сменившей установку на мировую революцию, политика руководства СССР была последовательно экспансионистской, а при возможности (в 1939-40, 1945-85 годах) и просто неоимперской.

[22] Kotkin (2014).

После смерти Сталина эту же стратегию использовали, пусть и не так жестоко, следующие руководители СССР. Стратегия изоляционизма включает два элемента. Во-первых, активную и конфронтационную политику по отношению к соседям и крупным мировым державам. Во-вторых, использование этой конфронтации для поддержания власти внутри страны – граждане должны всё время чувствовать, что страна находится под угрозой, и, соответственно, не ставить вопрос о смене руководства. Чтобы воспользоваться догматом «коней на переправе не меняют», текущее руководство пытается создать ощущение, что каждый момент времени, год за годом, является «моментом переправы». Международная изоляция, являющаяся результатом агрессивной и даже авантюрной внешней политики, становится инструментом внутриполитической стратегии по удержанию власти.

Надо понимать, что изоляционизм, в части экономики – самоубийственная стратегия. Отказ от полноценного участия в международной торговле – одна из основных причин экономической катастрофы СССР. Эта причина редко упоминается среди основных причин катастрофы напрямую, потому что дискурс анализа экономики СССР и в её успешный, и в её неуспешный период сформировался до появления современного понимания роли международной торговли в экономическом развитии стран. Впрочем, часто упоминавшиеся причины застоя и последующего коллапса советской экономики – технологическая отсталость промышленности, неспособность трансформировать достижения фундаментальной науки в практические приложения – были как раз прямыми результатами экономического изоляционизма. Ещё одним доказательством роли изоляционизма в экономической стагнации советской экономики является быстрый рост благосостояния россиян с конца спада в 1990-х и в начале 2000-х. Очевидно, что он был бы абсолютно невозможен без международной торговли и постоянного заимствования технологий. Большая часть товаров и услуг, обеспечивших этот рост благосостояния, было либо произведено за границей, либо произведено в России по заимствованным технологиям. И наоборот, то, что пятнадцать лет назад быстрый рост сменился долгой стагнацией – отчасти результат изоляционистской политики, выгодной Путину, как мы видели, по внутриполитическим причинам.

В советское время изоляционистская политика в экономической сфере сопровождалась имперской идеологией и экспансионистской риторикой. Эпоха Путина дополнила политику изоляционизма коррупцией. Хорошо известно, что хотя население и бизнес страны в целом проигрывают от экономического протекционизма, потери от ограничения конкуренции «размазаны» по широким слоям населениям, а выигрыши,

суммарно меньшие, чем потери, сконцентрированы в руках узкого числа акторов.[23] Например, от запрета на импорт продовольствия из стран ЕС и США проигрывают, в плане благосостояния, практически все граждане России, 140 миллионов человек, так как в результате вынуждены платить более высокие цены за товары-субституты более низкого качества. Суммарный выигрыш владельцев агрохолдингов, их политических и силовых «крыш», значительно меньше этих потерь, но, за счёт концентрации, имеет значительно большее политическое влияние. В период правления Путина комбинация «обоснование в терминах госбезопасности» плюс «протекционистское ограничение», дающее монопольные прибыли избранным бизнесменам и чиновникам, стало стандартной политикой во множестве отраслей. В демократической системе коррупция и монополизация, ведущая к изъятию ренты у граждан через высокие цены, привели бы, как минимум, к давлению на власть или её смене. Здесь мы видим как изоляционистская идеология даёт обоснование введению монополий, разрушение демократических политических институтов позволяет поддерживать монополии, а монопольные сверхприбыли, в свою очередь, финансируют защиту статус кво от перемен.

Вместо заключения

Исторический русским империализм дал путинскому режиму две вещи. Во-первых, почву и идеологические схемы для формирования нарративов, при которых построение режима личной власти Путина и обогащения бенефициаров его режима оказывалось нужным для исполнения «исторической миссии России». Во-вторых, инструменты и практики из институционального наследие советской империи оказались удобным для использвания в ситуации, когда новых инструментов и практик не появилось. Например, опыт и практики навязывания русского языка и специальной версии русской истории, которые в советское время использовались во время колониальных захватов, были готовы к применению и внутри страны, и на оккупированных территориях в Украине. Оба элемента имперского наследства, и нарративы, и практики оказались чрезвычайно удобными инструментами для удержания власти.

Однако свести нападение на Украину в феврале 2022 года к имперскому наследству, традициям, институтам и нарративам не получается. Империализм как средство укрепления власти мог бы хорошо объяснять успешную войну. Однако война с Украиной – это война, за которую Россия платит огромную цену независимо от того, где в итоге пройдёт граница между Украиной и Россией. Гарантированы огромные, в сотни миллиардов долларов прямые

[23] См., например, обзор политико-экономических теорий и базовые модели международной торговли и протекционизма в Grossman, Helpman (2001).

потери, и ещё большие, в десятилетия развития, косвенные потери как результат войны. Потери понесли не только граждане России (не говоря уж про украинцев), но и «российская элита». Члены кабинета, парламента, руководство госкомпаний и квази-частных компаний и т.п. понесли значительные издержки, связанные с зарубежными владениями, возможностями поездок за рубеж в будущем и т.п. В большинстве случаев речь не идёт про полные потери; тем не менее, издержки существенные. Система, в которой принимаются решения, невыгодные никому, кроме очень узкой группы населения – это редкость. Симбиоз деградации государственной власти при Путине и милитаризация, дошедшая до реальной войны, объясняет каким образом принимаются заведомо неправильные решения.

ЛИТЕРАТУРА

Acemoglu, Daron, and James A. Robinson (2006) *Economic origins of dictatorship and democracy*. Cambridge University Press.

Arendt, Hannah (1968) *Imperialism: Part two of the origins of totalitarianism*. Vol. 2. Houghton Mifflin Harcourt.

Blattman, Christopher (2022) *Why We Fight: The Roots of War and the Paths to Peace*. Penguin Publishing Group.

Bueno de Mesquita, Bruce, Alastair Smith, Randolph Siverson and James D. Morrow (2003) *The Logic of Political Survival*. Cambridge, MA: MIT Press.

Bueno de Mesquita, Bruce, James D. Morrow, Randolph M. Siverson, and Alastair Smith (1999) "An institutional explanation of the democratic peace." *American Political Science Review* 93, 4: 791-807.

Bueno de Mesquita, Bruce, and Alastair Smith (2012) Domestic explanations of international relations." *Annual Review of Political Science*. 15: 161-181.

Debs, Alexandre, and Hein E. Goemans (2010) Regime type, the fate of leaders, and war. *American Political Science Review*. 104.3: 430-445.

Debs, Alexandre. and Weiss, Jessica Chen (2016) Circumstances, domestic audiences, and reputational incentives in international crisis bargaining. *Journal of Conflict Resolution*, 60(3): 403-433.

Egorov, Georgy, and Konstantin Sonin (2011) Dictators and their viziers: Endogenizing the loyalty–competence trade-off. *Journal of the European Economic Association*. 9.5: 903-930.

Egorov, Georgy, and Konstantin Sonin (2023) Why Did Putin Invade Ukraine? A Theory of Degenerate Autocracy, mimeo.

Fearon, James (1995) Rationalist Explanations for War. *International Organization*. 49.3: 379-414.

Frye, Timothy (2022) *Weak Strongman: The Limits of Power in Putin's Russia*. Princeton University Press.

Jackson, Matthew O., and Massimo Morelli. 2011. "The Reasons for Wars: An Updated Survey." *The Handbook on the Political Economy of War*: 34.

Garfinkel, Michelle R., and Stergios Skaperdas. (2007) Economics of conflict: An overview. *Handbook of defense economics*. 2: 649-709.

Grossman, Gene M., and Elhanan Helpman (2001) *Special interest politics*. MIT press.

Guriev, Sergei, and Daniel Treisman (2022) *Spin dictators: The changing face of tyranny in the 21st century*. Princeton University Press.

Harrison, Mark. (2023). *Secret Leviathan: Secrecy and State Capacity Under Soviet Communism*. Stanford University Press.

Khodarkovsky, Michael. (2022). Russia's War in Ukraine: How the 19th Century Imperialism and 20th Century Fascism Found Home in the 21st Century Russia. *The Journal of East Asian Affairs*, 35(1), 95–112.

Knorr, Klaus (1952) "Theories of imperialism." *World Politics* 4:3, 402-431.

Kordan, Bohdan (2022). Russia's war against Ukraine: historical narratives, geopolitics, and peace. *Canadian Slavonic Papers*, 64(2–3), 162–172.

Kotkin, Stephen (2014) *Stalin 1: The Paradoxes of Power, 1878–1928*. New York: Penguin Press.

Laruelle, Marlene (2021) *Is Russia fascist?: Unraveling propaganda east and west*. Cornell University Press.

Mankoff, Jeffrey (2022). The War in Ukraine and Eurasia's New Imperial Moment. *The Washington Quarterly*, 45(2), 127–147.

McFaul Michael and Robert Person (2024). Why Putin Invaded Ukraine. In *War in Ukraine: Conflict, Strategy, and the Return of a Fractured World*. (Brands, ed.) 34-54. Johns Hopkins University Press.

Mearsheimer, John J. (2022). The causes and consequences of the Ukraine war. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development,* (21), 12-27.

Meng, Anne (2020) Constraining dictatorship: From personalized rule to institutionalized regimes. Cambridge University Press.

Paine, Jack (2022) "Reframing the Guardianship Dilemma: How the Military's Dual Disloyalty Options Imperil Dictators." *American Political Science Review* 116(4): 1425-1442.

Powell, Robert (1999) In the Shadow of Power: States and Strategies in International Politics. United Kingdom: Princeton University Press.

Plokhy, Serhii (2023) *The Russo-Ukrainian war: the return of history*. WW Norton & Company.

Powell, Robert (2006) War as a Commitment Problem. *International Organization*. 60: 169-203.

Riehle, Kevin P. (2024) *The Russian FSB: A Concise History of the Federal Security Service*, Georgetown University Press.

Schumpeter, Joseph (1972) *Imperialism and Social Classes*. Ludwig von Mises Institute.

Shih, Victor (2022) *Coalitions of the Weak*. Cambridge University Press.

Slantchev, Branislav L. (2011) Military threats: the costs of coercion and the price of peace. Cambridge University Press.

Snegovaya, Maria, and Jade McGlynn (2024) "Dissecting Putin's Regime Ideology." *Post-Soviet Affairs*: 1-22.

Snyder, Timothy (2018) Ivan Ilyin, Putin's Philosopher of Russian Fascism, *The New York Review* , https://www.nybooks.com/online/2018/03/16/ivan-ilyin-putins-philosopher-of-russian-fascism/.

Soldatov, Andrei, and Irina Borogan. "Russia's New Nobility-The Rise of the Security Services in Putin's Kremlin." *Foreign Affairs*. 89 (2010): 80.

Taylor, Brian (2018) *The Code of Putinism*. Oxford: Oxford University Press.

Weeks, Jessica L. 2012. Strongmen and straw men: Authoritarian regimes and the initiation of international conflict. *American Political Science Review*. 106.2: 326-347.

Yakovlev, Andrei. 2021. "Composition of the Ruling Elite, Incentives for Productive Usage of Rents, and Prospects for Russia's Limited Access Order." *Post-Soviet Affairs* 37 (5): 417–34.

Zakharov, Alexei. 2016. The loyalty-competence trade-off in dictatorships and outside options for subordinates. *Journal of Politics*. 78.2: 457-466.

Zaporozhchenko, Ruslan (2023). The End of "Putin's Empire?" Ontological Problems of Russian Imperialism in the Context of the War against Ukraine, 2022. *Problems of Post-Communism*, 71(2), 119–130.

Гайдар, Е.Т. (2013) *Гибель империи. Уроки для современной России.* Litres.

Гельман, В.Я. (2019) *"Недостойное правление": политика в современной России*. Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования" Европейский университет в Санкт-Петербурге".

Голосов, Г.В. (2024) *Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе.* Рутения. Москва.

Каспэ, С. И. (2001). *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика*. Росспэн.

Каспэ, С. И. (2004) "Империя как руина и строительный материал:" Nation-building" в современной России." *Политическая наука* 3: 70-85.

Миронов, Б. Н. (2023). Российская империя: от традиции к модерну. (изд 3-е, дополненное) Петербург.

Рогов, К.Ю., Снеговая, М.В. (2009) Сроки имеют значение. *Экономическая политика*, (5), 75-92.